

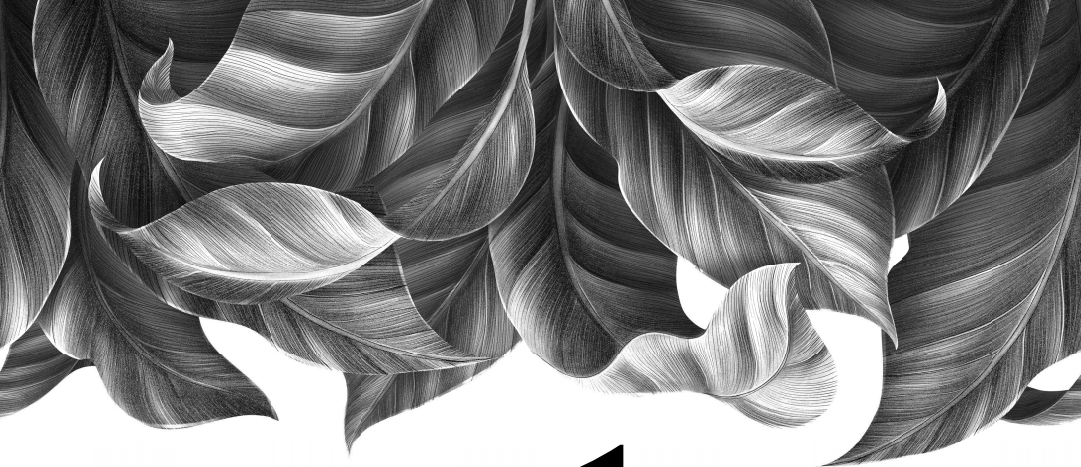
АЛИНА ДАНИЛКИНА

Лёд
одинокой
пустыни

НЕ ЗАМЕНЯЙ СЕБЯ НИКЕМ

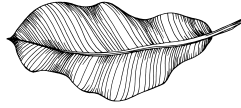
Москва
2022

1

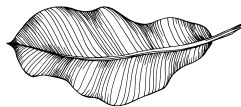
ИЗ ТЫВЫ
В ДОХУ

Я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен, в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной.

Из письма Ф. М. Достоевского
к Н. Д. Фонвизиной

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

Он читал тауба, а я Отче Наш. Предчувствие божественной кары заставляло мою челюсть танцевать твист под ритм робкого стука колотящихся зубов. Я успокоил все движения мышц и лицевой кости, поднял голову ввысь, но так и не смог отворить глаза к небесным вратам. Стыд не мог уступить покаянию, а покаяние стыду. Нижние веки потели, а язык, онемев, продолжал подтягиваться и набухать, как чешуйчатая ныряющая белчера. Я не плакал, не кричал и не думал. Хафиз уткнулся в землю растопыренными ноздрями подобно усмирённому арабскому скакуну и поцеловал жирную от прошедшего ливня почву. В надежде прощения он продолжал глядеть вниз, а я осмелился посмотреть вверх. После соблюдения всех покаятельных прелюдий Хафиз, не шевелясь и не дрыгаясь, вдруг сказал:

— Знаешь, чем мы не похожи? В моих карих глазах сгорает чёрная беспросветная земля, а в твоих голубых радужках отражается небо, с которого на тебя смотрит Бог.

Он закрыл взор сияющими от пота ладонями, которые щекотали пушистые кончики слипшихся дрожащих ресниц. Тогда мы решили добавить ещё один скрюченный скелет в шкаф нашей уже почти общей грешной жизни и запереть его на замок.

Кинолента моей судьбы весь день навязчиво и бесцеремонно мелькала передо мной. И самое интересное, что

до семи лет кадры из неё почему-то напрочь вырезаны из памяти. Объяснимый парадокс или обыкновенное чудо, беззаботное и ничем не омрачённое детство, нейрогенез или иной трудно произносимый медицинский термин. Время ползло, и я понял, что ячейки воспоминаний не заполнялись до этого возраста только лишь потому, что до семи лет у меня не было мечты. Было все, кроме неё: новомодные игрушки, которых желали все мои сверстники, разноцветный мармелад и нафталиновая старая няня. Но каждая минута моей жизни, начиная с семилетнего возраста, была сфотографирована в моем сознании и не поддавалась ни удалению, ни копированию, ни печати.

В день моего седьмого дня рождения моя семья забрала меня после школы, и мы отправились в Дубай. Тогда там не было намыленных небоскрёбов, грудасто-губастых эскортниц и ощущения хаотично движущихся денежных атомов в запыленном воздухе. Мы поехали на сафари, и я встретился с одинокой пустыней, которая поняла меня лучше родителей, школьного психолога и вечно беременной соседской пятнистой кошки. Спустя неделю мы вернулись обратно в Сибирь, и снежные дворцы стали мне противны и чужды. В то время, как моей младшей сестре мать читала «Колобка», «Репку» и другие достояния русского фольклора, я решил написать свою восточную сказку. Выучил арабский, окончил французскую гимназию и поступил на факультет международных отношений. Моя семья была против моего увлечения Востоком, ведь их пугала моя потаённая цель отпочковаться от родины, от сибирских морозов, от чая по-тувински с солью и жиром¹ и от веры в Иисуса

---

¹ Чай по-тувински (хан-чай) — традиционный тувинский напиток, представляющий собой горячее молоко с добавлением черного или зеленого чая, соли и топленого масла или экзотического сала (например из гиссарской курдючной овцы). — Прим. ред.

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

Христа. Но я засыпал с мыслями об арабских благовониях, о манкости глаз мусульманских женщин и о тёплом воздухе, который не исчезает ни вечером, ни зимой. Через несколько лет я покинул страну, которая подарила мне пористый ржаной хлеб, промозглый воздух и крепкую почву под ногами, и, легко заключив трудовой договор с Министерством иностранных дел и получив дипломатический паспорт, переехал в Катар.

Я прилетел в Доху до восхода восточной зари и поехал на пляж Фувайрит. С упованием смотря на полупрозрачную водную гладь цвета индийского топаза, я чувствовал, как вся энергия вселенской надменности обволокла меня вместе с океаном, порывисто обнимающим мои распухшие ступни. Замершая блаженная тишина красноречиво изъяснялась с моим притупленным сознанием, однако сладостное наслаждение от таявших картинок немного кино быстро выключил плавный и текучий, как воды Персидского залива, тембр.

— Жизнь измеряется не числом сделанных вдохов и выдохов, а количеством увиденных рассветов и закатов... — произнёс голос сзади.

Обернувшись, я увидел «голливудского» мусульманина, сливочные брюки которого были блёклы по сравнению с его неестественно сверкающей белой улыбкой. Мокро-синий пиджак с вельветовыми лампасами гармонировал с желтым золотом на его пастозных незагорелых руках. На нем не было ни дишдаша, той самой национальной рубахи до пола, ни куфии, закрывшей бы объемную графичную шевелюру; он не был похож на араба, но при этом обратился к человеку с туристическим багажом и славянской внешностью на безупречном аравийском диалекте. В ступоре я молчал; мужчина сделал шаг вперёд, и я услышал от него запах можжевельника, полыни и сожженного папируса. Необоснованный страх охватил меня, вызвав

первую, как юношеская влюбленность, эмоцию на новом месте моего обитания.

— Бог ваш наведёт страх и трепет пред вами на всякую землю, на которую вы ступите, как Он говорил вам. А меня зовут Хафиз.

— Я не буду произносить слова пророка Мухаммеда. Мне достаточно моего Бога. А Ваше имя, если я не ошибаюсь, означает «знающий наизусть Коран». Пока вы не оправдали толкование вашего наречения. А я Павел, — уверенно сорвалось с моих уст.

Обменявшись телефонными номерами и парочкой незамысловатых дежурных фраз, мы попрощались, и я отправился в предоставленную мне в центре квартиру. В ней я оставил все вещи, выложив из чемодана лишь иконы, бережно сложенные меж смокингов и шерстяных носков, которые я по привычке к сибирским холодам ошибочно взял на службу. Выпив тройной ристретто, чтобы не уснуть после полета, я решил сразу же поехать на базар Сук Вакиф. Переходя от одной деревянной лавки к другой, я беспорядочно торговался, играл с беззубыми продавцами в нарды и поджигал коричневый жемчуг на прочность, заедая спелой африканской марулой из соседнего ларька.

Зайдя в один из магазинчиков, я нырнул в насыщенные цвета и постепенно раскрывающийся запах арабских специй. Аромат терпкого ладана, пачули, тёплой амбры, смесь пряной корицы и свежего османтуса. Под бамбуковым потолком свисала хрустальная люстра, не умеющая своим строгим изяществом отвести взгляд посетителя от переполненных до краёв арабских туесков. Расписанные сверкающим маслом тарелки, поверхность которых была бугристая, как песчаные дюны, бледнели рядом с плетёными тканевыми мешками. Они были набиты шафраном, листьями малабарского коричника, по вкусу перекликающегося с гвоз-

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

дикой, мускатным орехом, хранившим в своей сердцевине целое неизведанное искусство, сухоцветами, кориандром, ломтиками сушёных лимонов, присыпанных тростниковым сахаром, рисовым чаем, вонявшим горелой крупой, и даже мате из парагвайского падуба. Шестилетний филиппинский мальчик, забежавший в лавку, трогал вымазанными в жире пальцами висящие разноцветные колокольчики, которые издавали уникальные мелодии, напоминающие то ночной щебет какапо, то дуновение муссонных ветров, то бьющий по обнажённым камням водопад.

Выйдя из магазинчика вслед за ребенком, я вдруг увидел, как обворовывают похожего на передвигающееся ископаемое немца в нейлоновой серой панаме и тонком жилете с квадратными карманами по бокам. Половина лица великовозрастного франта была покрыта заразной лепрой, из-за которой в средние века беспощадно сжигали всех прокажённых. Недолго пребывая в незыблемом удивлении, я задумался, как поступить: избавить от преступника оставшиеся копейки дедушки-европейца и спасти грабителя от заразы, которую он может подхватить от престарелой жертвы, или позволить воришке выполнить свою работу, тем самым наказав и эгоистичного немца, вальяжно разгуливающего с инфекционным заболеванием по многолюдному базару, и карманника, наживающегося на стариках. Я промолчал, а затем, притаившись, сбежал от гнусной, портящей магический образ рынка картины в магазин напротив. Там продавались птицы: в левом углу можно было купить хищного сокола для местной охоты, а в правом — раскрашенного попугая-билингва, говорящего на арабском и английском языках. Казалось, будто я попал в волшебный мир, куда слетаются на взъерошенных берёзовых мётлах маги, чтобы приобрести зелье из чёрного тмина или белого филина Гарри Поттера. Решив купить себе сокола, как это было модным в Катаре, я переходил от одной

привязанной птицы к другой, будто ища похожего на себя одиночку. Мой сокол, пышногрудый и зоркий, нагло уставившись на меня, раскрыл клюв, словно прося забрать с собой навсегда. Не было сомнений, что мы были созданы друг для друга, поэтому я стал торговаться с коротконогим толстеньким продавцом, чем-то смахивающим на откормленного фастфудом американца. Он тряс янтарными чётками возле рта, будто закрывая отсутствие двух передних зубов, мешавшее ему громко и чётко изъяснять свои мысли:

— Брат, ты, наверное, думаешь, что такие лавочники на рынке, как я, простофили или невежды. Ты веришь в то, что из нас можно выудить хотя бы парочку ничтожных копеек. И ты прав. Это действительно реально, когда клиент, которого мы считаем гостем, колеблется, сомневается или же просто поддаётся уговорам извне. Но восточная торговля — это древняя психология, которой, поверь, овладели все здешние продавцы. Этот магазин перешёл по наследству мне от отца, который перенял семейное дело у деда. У нас в крови видеть насквозь тех, кто купит птицу за любые деньги. Отсутствие акцента, невзрачная внешность, начищенные до переливающегося сияния ботинки и скучный галстук синего цвета говорят о том, что ты — пресный дипломат из какого-то славянского государства. Скорее всего, только прибывший на место работы. Ты безнадежно одинок и ищешь себе не просто повод для местного хвастовства, не просто товарища по охоте, а друга. И ты знаешь, что уже его обрёл. Этот сокол необычен и горд. Он подходит тебе.

— Но не кажется ли вам, что его цена немного завышена? Я же могу выбрать кого-то подешевле.

— Боюсь, нет. Его скорость, оперение и родословная завораживают не меньше взгляда. А другого ты уже не возьмёшь, поэтому стоимость останется прежней. Но за великолепное знание языка и настойчивость я подарю тебе талисман.

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

Мужчина отошёл за прилавок и достал что-то похожее на большой доисторический клык. Я почувствовал запах, который прежде никогда не слышал. Он не был уникальным, но был другим.

— Этот дорогой фимиам¹ для искушённой арабской публики называется «Ногти ангела». Береги его отважнее, чем сокола. Храни дома от чужих глаз, и твоя жизнь круто изменится. Однако будь аккуратен, ведь свойства ониха способны подменить судьбу, искалечив её или облагородив.

Взяв сокола, которому пришлось от нехватки свободного места в кармане сунуть в клюв фимиам, я услышал шёпот желудка, склоняющий меня к обеду. Зайдя в ресторан, я очутился в аутентичной атмосфере Востока. Меня посадили на пол, принесли бедуинский чай, кальян с цитрусами и мясо тушёного верблюда. Дружелюбные арабы предложили мне комплимент от заведения: закуску для сокола из лягушатины и птичьей грудки. Затем я заказал табулех с булгуром и перечной мятой, макбус с тимьяном и томатами и вымоченную в сахаре вермишель с кардамоном балалет. На десерт по настоянию официанта были поданы финики, козье молоко и пончики лукаймат с йеменским мёдом из цветов зизифуса. Слегка суматошно докурив кальян, я неспешно выполз из забегаловки и заметил, что начало темнеть. Просторные мощные улицы, подсвеченные старыми потрескивающими фонарями, нежно выдворили меня к выходу, возле которого я прыгнул в такси и уехал в новый дом, чтобы, наконец, начать новую жизнь.

---

¹ Фимиам — благовонное вещество для курения, а также дым, поднимающийся при таком курении. — Прим. ред.

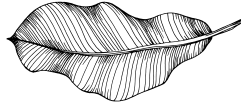

2

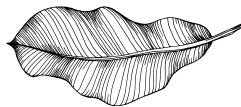
ВЕРБЛЮЖЬИ
СКАЧКИ, ИЛИ
ДЖЕТЛАГ

И сказал (Он) ученикам Своим: Посмотрите на лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них.

Евангелие от Луки 12, 27

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

Целый год я потратил на акклиматизацию и избавление от эффекта «джетлага». Мой организм не мог перестроиться в течение недели, как это благополучно происходит почти у всех приезжих людей. Меня тошнило каждый день, но ни одно обследование не выявило признаков какого-либо недуга. И казалось, будто бы всё внутри сопротивлялось моему обоснованию в Дохе. Родители не поздравили меня в январе с днём рождения, но и это не могло огорчить их единственного сына, ведь он жил там, где мечтал. У меня появились свои «восточные» привычки: начинать и заканчивать свой день с бедуинского карак-чая, смотреть на барракуд и каракатиц, погружаясь с аквалангом на выходных, ездить на соколиную охоту вместе с заносчивым соседом Афзалом. Моей зарплаты хватало и на дорогие рестораны, и на роскошные лимитированные вещи, и на циклично сменяющихся женщин с накачанными губами, приехавших на быстрые, но весьма «эффективные» заработки. Я вращался в круговороте денег и богатства, и это искушало меня.

Но переживать не стоит. Из-за бесконечных табу в этой стране грешные мысли превратились в непозволительную и почти забытую роскошь. Пропустить на закате дня рюмочку после истощных криков начальника на работе, как это принято у нас, в Дохе строго запрещено. Ни алкоголя,

ни других непристойных крайностей в этом месте нет. Здесь нельзя смотреть на бирюзовую океанскую гладь и янтарно-облепиховое солнце в искажённом наркотиками поролоновом цвете. В сознании я построил себе мир без приправ и усилителей вкуса, который вдруг оказался смертельно ядовитым. За прожитый год в самом богатом арабском государстве моё недоумение свыклось даже с тем, что холостяков могут обоснованно не впустить в торговые центры, а ставки или другие проявления азарта способны привести к сотне ударов плетью, согласно решению шариатского суда.

Работа вытаскивала меня из затянувшейся скуки или же нежно вгоняла в неё. В посольстве я мог храпеть в неудобном стуле из микрофибры, до ночи работать над новым проектом или же в отсутствие дел поливать японскую фатсию, тамаринд, гибискус и другие стоявшие возле кабинета пресс-атташе цветы. На приёмы нашего дипкорпуса меня, естественно, приглашали, однако с неохотой и ноткой презрения. Это не раздробляло ландшафт моей засорившейся душонки, ведь все мероприятия были поразительно похожи, словно единоутробные близнецы.

Сначала наш посол, Евгений Валерьянович, вместе с очаровательной тонкокостной супругой, которая каждый четверг пририсовывала ему рога с советником или секретарем-референтом, встречали прибывших гостей. Затем обслуживающий персонал разносил затвердевшие канапе с укропом, творожным кремом и атлантическим лососем, которые из этикета принимал каждый, но никто никогда не ел. После этого женщины отделялись от мужчин и отчаянно начинали обсуждать их вредные привычки, педантично снимая белые шелковые перчатки, чтобы поправить одинаковые, будто скопированные друг у друга, прически. Вечера проходили за закрытыми дверями, и это позволяло мне изредка чувствовать себя безбожным злорадствующим

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

масоном или вяленой, как дипломатический протокол, воблой с прогнившей до костей головой. В конце приема приезжие гости получали незамысловатые, однако символические подарочки в виде матрешек, раскрывающих многослойные принципы большинства переговоров на дипломатическом поприще. Меня укачивало от круговорота сплетен, лихо закрутившегося меж посольств разных государств, ведь я знал и про нетрадиционные наклонности британского посла, и про скудость ума и незнание английского языка главы представительства Украины, и даже про то, что в прошлом году накурившийся марихуаны дипкорпус соседнего государства в составе трёх высокопоставленных государственных деятелей, безудержно используя неприкосновенность, превысил допустимую скорость, сбив насмерть афганскую беженку и двух её детей восьми лет.

Я уставал от русских, подтягиваясь к чистокровным катарцам, которые в своей уникальной непохожести на граждан иных стран умели довольствоваться невинными представлениями. Фаворитом местных развлечений на протяжении многих лет являлись верблюжьи скачки, на которых я впервые оказался зрителем лишь спустя год после переезда в Доху. Я отправился на стадион в Аль-Шахании, чтобы увидеть как роботы-жокеи верхом на одногорбых самках поднимают пустынную пыль с бедуинской земли.

Охровое махровое солнце, давящее на виски, сливалось с утренним рыжим покалывающим песком. Стая породистых скакунов промелькнула лишь за один взмах ресниц арабской девушки, неприступно сидевшей возле меня. В бессмысленно-несуразных попытках заговорить с той, которая мне никогда не ответит, я забыл, что пришел на стадион ради просмотра скачек. Однако спустя пару секунд мне навязчиво напомнили о цели моего пребывания на душающей жары:

— Победителем наверняка станет лекарь, — внезапно сказал сосед по трибуне.

— А кто такой лекарь?

— Лекарь — это Хафиз из легенды, он сегодня и выиграет. Как всегда, — с ломаным от орешков звуком произнёс зритель.

Так и случилось. Из-за солнечных бликов я не сразу разглядел чемпиона. В бледно-коралловом костюме с атласными широкими вставками показался тот самый мусульманский Элвис Пресли¹, с которым я познакомился по прибытии в Катар.

Полудохлая дохская пресса, похожая на стаю облысевших гиен, не торопясь окружила триумфатора, напоминавшего и бесстрашием, и своей густой непокорной гривой вздыбленного берберийского льва. Вдруг Хафиз снял пиджак, и пенястая штормовая волна мужских флюидов будто накрыла весь стадион в Аль-Шахании. В ту секунду я пожалел, что год назад не захотел подружиться с тем, кто казался немеркнувшей и негасимой звездой на фоне тёмного и сдержанного арабского мира. Словно пробираясь сквозь затерянные и заросшие джунгли, я пытался раскидать все препятствия на своём пути, чтобы исправить ошибку, совершенную год назад.

— Поздравляю вас, — твердо и уверенно произнёс я.

— Не будь побеждён злом, но побеждай зло добром, — сказал он.

Было очевидно: он узнал того славянского парня с чемоданами на пляже.

— Вы хотите со мной подружиться, Павел? — поинтересовался Хафиз.

---

¹ Элвис Пресли (1935–1977) — американский певец и актёр, один из самых коммерчески успешных исполнителей популярной музыки XX века. Также известен как «король рок-н-ролла». — Прим. ред.

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

— Хочу, — без лишней скромности ответил я.

— Тогда полетели послезавтра в Стамбул. Если сможете урегулировать со мной одно дело — подружимся, а струсите — станете моим врагом навсегда.

Две секунды, и я был готов, как подобранный лишний пёс, доказать ему свою самозабвенную преданность. Но до сих пор я не мог понять, откуда вырыл в себе столь инстинктивное собачье желание быть компаньоном и младшим товарищем туманному энигматичному лекарю, о котором, казалось, знали все, кроме меня.

Весь следующий день я находился в рабском плену оживлённой полученным предложением суеты. Собирая чемодан, я решил заглянуть в мусор современных дней, одурманивший большую половину человечества. По ключевым словам — Доха, Хафиз, лекарь, легенда — я ничего не смог найти в Интернете. До сердцевины расковырянное любопытство унижало исконно русское благородство, но я не мог смазать ту навязчивую идейную мозоль, натершую мою неистощимую больную фантазию. Переспав ночь наедине лишь с одним вопросом, кто лекарь на самом деле, я встал в 5 утра и начал одеваться в аэропорт, по дороге в который из-за всплывающих в коре головного мозга вопросов я не мог наслаждаться беломраморной столицей Катара.

Доха — это стиль, воплощением которого является шейха Моза. Именно благодаря ей, жене катарского эмира, арабские женщины стали позволять себе выходить в свет без чадры, смело надевая брючные костюмы. Она приучила местных дам к высокой моде, заставив даже выкрасить машины такси в цвет притягательного ювелирного дома Тиффани. И сегодня некоторые катарские леди используют яркую палитру вещей, не теряя при этом то, что отличает их от европейек. Но, признаться, во многих из арабских женщин, не сломленных трендами и веяниями ослепительной

Мозы, осталось что-то особенное: недоступность, женская манкость, волшебство... Ты не видишь перед собой роковую брюнетку, будто замершую от расплавленных ботоксом морщин или «насоляренную» блондинку с ассиметричными каштановыми бровями. Для тебя открыт только ребус, который ты никогда не сможешь решить. Бесплезны подсказки, ключи, наводки. Эта загадка будет разгадана только одним мужчиной — её мужем. А ты — лишь запоздавший прохожий, который не знает, сколько родинок на её плече, пухлые ли у неё губы и улыбнётся ли она тебе в ответ. Ты не видишь ничего, но видишь самое главное. Видишь душу этой женщины сквозь её глаза...

За прожитый в Дохе год натерпевшаяся сладострастных утех кровать из мудрого тысячелетнего дуба пощупала несколько десятков совершенно не похожих друг на друга разношёрстных дам, каждая из которых стирала в оседающую песчаную пыль имя предыдущей. Проходила неделя, и я нараспашку отворял окна, чтобы до конца избавиться от остаточных молекул женского парфюма, едко и бесцеремонно подселившихся ко мне в квартиру. Холостяцкая чума, подхваченная в добровольном одиночестве на Востоке, поражала каждую клеточку моего естества, запуская циклическую ротацию разбитых женских сердец. Однако вместо попыток борьбы с трудно излечимой заразой, я продолжал вскапывать в себе распутнические предосудительные зачатки. Утопая в хандре от шаблонного дипломатического протокола, всухомятку заеденного приевшимися вкусами жизни, мне вздумалось встряхнуть унылую всепожирающую рутину и согласиться на безрассудную авантюру.

Приехав за час до рейса и почти неоправданно опаздывая, я устроил неспешный променад по катарскому дьюти-фри. Купив несколько бутылок французского коньяка с нотами чернослива, изюма и бутона гвоздики, я вы-

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

пил две чашки тыквенного макиато и отправился к гейту. У выхода стоял небритый Хафиз, омрачённо заполняющий всё пространство аэропорта нервным прищуром, который беспрерывно сменялся покусыванием треснувшей от авитаминоза нижней губы. Я вежливо подошел к лекарю, и он представил меня своей младшей сестре, которую звали Эсен.

От неё пахло ирисом и табаком, а блеск шеи от жасминового масла уступал приглушенному мерцанию слезящихся карих глаз. Её волосы были похожи на чёрные провода, и сама она напоминала будто бы все сонеты Шекспира сразу. Она была настолько прекрасна, что даже неровно растушёванные стрелки и продолговатая ямочка на задранном подбородке не препятствовали беззастенчивому любованию с моей стороны. Порывисто вздохнув, эта девушка стала говорить с лекарем по-турецки.

— Зачем ты позвал этого русского с нами? — бестактно спросила сестра Хафиза.

Открыв рот и оголив свои фарфоровые белоснежные зубы, Хафиз не успел проронить ни звука, как я ответил за него:

— Вы обязательно узнаете об этом, Эсен. И, кажется, нам всем уже пора в самолёт...

Недоверие в улыбке юной мусульманки чередовалось то тревожными подозрениями, то разрастающейся страстью дойти до сути. Наверняка Эсен не догадывалась, что я знаю турецкий и понятия не имею, кто такой «лекарь» ни в легенде, ни в жизни. На борту катарских авиалиний я заметил, что почти весь салон был выкуплен для диких соколов, отдельно распластавшихся в креслах, как люди. Хищники вальяжно сидели без клеток, умиляя пассажиров подобно новорождённым слепым котяткам. И казалось, никто, кроме меня, не был удивлён птичьим соседям, чувствующим себя

в самолёте свободнее меня и Эсен. За 190 секунд болтовни старшего стюарта о мерах безопасности она почесала левое запястье семь раз, непрестанно морща свой благородный скошенный лоб. Это было её пагубной неистребимой привычкой, выдающей в патовых ситуациях подспудный страх при приклеенном пренебрежительном равнодушии.

Во время затянувшейся турбулентности Эсен совсем не спала. Пока Хафиз рисовал угольным карандашом соборы пламенеющей готики, параллельно изучая сомнительную документацию, его сестра неподвижно смотрела в окно на перистые облака, напоминающие ванильную пастилу с пузырьками. Спустя сотни вздохов от боли в костях, соколиного ора и полётной скуки мы, наконец, оказались в Стамбуле.

— Я этнический турок, мы с сестрой выросли в Батмане. Но затем отца убили, и нам пришлось переехать к дяде в Стамбул. Раньше в его гостеприимном гектаровом сердце мне была выделена самая просторная комната. Но после того, как я поехал в Катар на неделю и остался там навсегда, в ней разрешено находиться только разочарованию в единственном племяннике, — впервые за несколько часов заговорил Хафиз.

— А как ваша сестра? Она захотела переехать с вами? — от любопытства спросил я.

— Эсен жила со мной в Дохе три года. Но пришло время ей вернуться на родину. Сейчас мы отвезём её в дом дяди, — с комом в горле вымучил лекарь.

Турция является фаворитом в выборе долгожданного, приходящего в грёзах отпуска у русских людей. Но за почти три прожитых десятка я приземлился на османскую землю впервые. Сразу же по прилете меня вмиг обдул и укутал чуть обжигающий воздух, и мы отправились в гости к семье Хафиза. Не успев снять туфли перед входом, я будто

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

превратился в родного, которого семья лекаря без сладчайшей надрывной фальши стала называть сыном.

Широкий коридор особняка, увешанный восточными гобеленами и портретными фотографиями предков в рамках из ажурного сусального золота, протолкал нас к обеденному залу. Деревянный стол из лазурной эпоксидной смолы будто бы хрустел от переизбытка дымящихся оловянных тарелок на поверхности. Мутабаль из баклажанов и турецкий суп из чечевицы, луковый кебаб с гранатовым соусом и курица с финиками. Тётушка Ақджан и её помощницы Памук и Гюлер ждали в гости будто бы всех пассажиров с рейса Доха — Стамбул. После затянувшейся трапезы я в первый раз увидел столь непривычную процедуру омовения рук. Обычно хозяйка предлагает одеколон и до, и после еды, но тётя Ақджан решила избавить нас от жира только спустя несколько часов обеда, изнывающе переползающего в ранний ужин. Она неторопливо обошла весь стол с подносом, на котором стояли разноцветные стеклянные флаконы с лимонным соком, листьями лавра и розмарином внутри. Четыре часа прошли незаметно для всех присутствующих, кроме меня. Признаться, с раннего возраста я с затруднением выносил застолья и домашние посиделки с родственниками, друзьями или коллегами. Повторяющиеся в каждую встречу нелепо-смешные истории, монотонная болтовня о расширении НАТО и демографическом кризисе, бесчетное вскрытие сокровенных деталей о не до конца забытых бывших и непомерное хвастовство о проделанных путешествиях в банально-заезженных туристических местах — всё это не просто казалось мне трафаретным и скучным. Это утомляло надутого ухмыляющегося внутри меня сноба, склоняющегося поскорее отслоиться от приевшейся выветренной сроком годности компании. В мой первый вечер в Стамбуле всё вновь повторилось: мне снова

вздумалось сбежать под руку со своим одиночеством, как вдруг кто-то на небе зажѐг искрящиеся огни. Всю территорию особняка вместе с её обывателями и одним единственным гостем накрыло полупрозрачное просвечивающее одеяло турецкой звѐздной ночи. После поглощения ореховой пахлавы со сливочным домашним мороженым мне выделили небольшую гостевую комнату с французским балконом, выходящим на сад с чёрными розами тѐтушки Ақджан. Почти на всех её благоухающих распустившихся цветах я заметил завязанные жѐлтые ленты, на которых были написаны её желания и мечты. Посреди спальни стояла высоченная кровать с толстым матрасом и пурпурным бархатным балдахинном, изящно и фигурно свисающим на сатиновые подушки, которые пахли тувинским абрикосовым вареньем. Переодевшись, я открыл купленную в аэропорту бутылку красного сухого, чтобы испить её наедине с собой. В палитру нот из разбухшей ежевики, агавы и малины я опускал свой шершавый язык, подобно кисточке, плескающейся в разноцветных красках. Хафиз зашѐл без стука, затворил дверь и утвердительно произнёс:

— Завтра мы грабим холдинг Озтюрг. Добрых снов.

Не оставив мне право ответа, лекарь покинул мои покои с мягкой и безмятежной гримасой. От обострившегося чувства непонимания мои руки выронили хрустальный бокал, разбившийся вдребезги, из которого выплеснулись капли темно-алого густого вина. Я спрыгнул с высокого ложа и в поисках лекаря побежал босиком по ледяному мрамору с коралловыми прожилками, похожими на выпученные кровяные сосуды. Но, к моему разочарованию, Хафиза, словно растворившегося в черной дыре, не было ни в читальне, ни в хаммаме, ни в другой части его же дома.

Вопросы, по масштабу напоминающие планеты, крутились вокруг ядра моего пламенеющего мозга. В мыслях

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

моё «я» было и дирижёром, и дегустатором травки в Амстердаме, и ловцом жемчуга, и даже зрителем панд, но вором я не представлял себя никогда. От перегрузки жёсткого диска я отключился, как уставший многолетний компьютер моей университетской преподавательницы по геополитике со свисающей пористой кожей и белым налётом в уголках губ.

Утром с леностью и кокетством меня разбудил аромат сада тётушки Акджан. Развевающиеся от лёгкого турецкого ветра атласные шторы ласкали ещё не проснувшееся лицо. Пробудившись, меня будто одолела непрístupная студенческая тряска перед экзаменом. Такое забытое чувство моему отчаянному началу было приятно испытать вновь. Ностальгический мазохизм. Вроде и ненависть по былому состоянию усиленно и навязчиво раздражала память, но что-то похожее на первую трагическую любовь мне мечталось испытать снова.

Я боялся ограбления, будто это был самый значимый экзамен в жизни. Я осознавал, что шанса пересдачи не представится, поэтому придется всё выполнить с первого раза и на твёрдое, безапелляционное «отлично». Императорская решительность будто проникла в каждую часть моего немускулистого тела, чтобы сподвигнуть меня перейти Рубикон. Тогда я вспомнил фразу своего арабского соседа Афзала: «Легче остановить локомотив, чем кровь славянина».

За завтраком в саду среди чёрных роз и лиловых гортензий стояла округлая деревянная беседка с железными вставками. Я предложил хозяйке дома приготовить мой фирменный карак-чай. Каждое утро в Дохе я варил его с нескончаемым множеством пряных специй и топлёным тающим молоком. Но взбунтовавшееся гостеприимство тётушки Акджан, изрядно негодуя, ответило «нет».

Ей не доставало детей в доме, и вся её радость была будто сконцентрирована на Хафизе и Эсен, неуважительно не спустившихся к завтраку.

— Хафиз уехал в 6 утра. Он просил передать вам, Павел, быть готовым к двум часам дня, — сказала тётя Ақджан.

— А Эсен разве не завтракает? — поинтересовалось моё мужское нутро.

— К сожалению, приходится, — произнёс недовольный голос сзади меня.

В шелковом халате цвета Мексиканского залива с кружевными оборками стояла статная цыганка, напоминающая то ли Эсмеральду, то ли Кармен — то ли чистокровную, то ли приемную. Раскрепощенная непокорность, граничащая с молящим призывом воли, выскакивала наружу и в словах, и в движениях. Однако при всей её сложности она не рождала столько неразгаданных ребусов и вопросов, сколько при очевидной обволакивающей простоте создавал её брат. «Приспешница дьявола» со взглядом «от самого страстного восторга до величавого целомудрия». Жизнь не учила меня бояться таких женщин, но почему-то я всё же предпочитал обходить их стороной.

— Дочка, как ты посмела так одеться к завтраку? У нас же гость, — возмутилась пожилая тётя.

— И тебе доброе утро, душа моя, — искренне, но с иронией ответила Эсен.

Весь час завтрак прошёл в задумчивости о деле, которое мне предстояло. Всё это напоминало комедию: сибирский парень, живущий в Катаре, полетел в Стамбул с незнакомым человеком, чтобы ограбить чью-то компанию. Мир абсурда в кипящем сознании нарушало только жужжание тётушки. Пока на фоне моих дум звучали повторяющиеся истории про её подружек и их мужей, мне резко захотелось отказаться брать на русскую душу такой грех, и я решился

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

поговорить с Хафизом. Смирение, которое всегда имелось в непозволительном избытке, удержало намерение, заставив дожидаться моего нового друга.

Ровно в два часа дня мой потёртый собранный чемодан с неотклеенными стикерами аэропорта спустили вниз. Я был точь-в-точь, как он: побывавший в разных уголках мира, чуточку уставший, треснутый и брошенный без надобности на пол до следующего использования, тот самый чемодан, который мешает прохожим идти вперёд, тормозя ускоренный шаг, тот преданный запыленный в чулане товарищ, готовый мерзнуть ради того, чтобы ты отправился туда, куда так долго мечтал.

Помощница Гюлер подала мне стакан клубничного шербета, пока я ждал врача. Спустя пару минут Хафиз приехал в голубом костюме на жёлтом кабриолете оттенка зубовидной кукурузы. попрощавшись со всеми, мы вышли за порог, и тётя Ақджан принялась согласно традиции поливать водой из прозрачного сосуда каменистую тропинку нам вслед. На несколько долей секунды я даже вспомнил, как в Кызыле для мамы было привычным и даже обыденным перекрестить меня на дорожку, что, впрочем, бывало не очень часто.

— Не слишком ли ярко для ограбления? — спросил я, усевшись в бордовое кресло машины.

— Ты даже не планируешь узнать, почему я захотел украсть внушительную сумму у одной светской семьи, обросшей наростами сплетен в Стамбуле?

Изрядно привыкнув нарушать принцип предсказуемости, я с неосязаемой твёрдостью ответил «нет». И теперь ни выхода из машины, ни из ситуации не было.

— Я даже лимонад или жвачки в кызыльском ларьке никогда не пытался воровать, а тут целый холдинг. Немного страшно, но предпочтительнее утомительной скуки

от затянувшейся дипломатической рутины, — спустя пару минут молчания сказал я.

— Сегодня мы заберём десять миллионов лир. Повеселимся, русский, — игривым тоном произнёс он.

Откинув крышу кабриолета, Хафиз протянул свои восковидные пальцы к магнитоле и включил «Englishman In New York»¹. Когда я приехал учиться в Москву, Стинг безжалостно влюбил в себя двадцатилетние сибирские уши, требующие именно эту композицию в головоломные столичные дни. Что в Тыве, что в Дохе, что в других городах и странах я всегда был инопланетным, неопознанным и даже пугающим существом. Никто не мог понять меня, да, наверное, и не усердно старался. Но что говорить о других, если мне самому не была дана ни от Высшей субстанции, ни от дурного сочетания родительских генов эта способность. В зеркале я всегда видел стохастического незнакомца, поступки которого были такими же неожиданными, как выпавший в покере стрит-флеш. Кому-то его появление приносило свирепую радость, а кто-то с приходом этого самозабвенного создания проигрывал всё и сразу. Исключительный человек в исключительном месте в исключительных обстоятельствах. Исключительно так оказывалось всегда.

«I'm an alien, I'm a legal alien», — подпевала стамбульская молодёжь двум скрипучим голосам из машины. От могущества взорвавшихся децибелов кабриолет начал танцевать под фальшивое подражание «Хору Турецкого». Отвлечь от наслаждения апрельским ветром и любимой музыкой меня смог только навязчивый запах тюльпанов.

— Ты чувствуешь этот аромат? — удивленно поинтересовался я у Хафиза.

---

¹ Englishman In New York — песня исполнителя Sting. — Прим. ред.

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

— Посмотри назад, невнимательный, ну или по сторонам, — ответил лекарь, саркастично подвинув правый уголок рта.

В жёлтом кабриолете лежали только раскрывшиеся белые тюльпаны, напоминавшие искалеченных балерин на хрупких тоненьких ножках. Вдоль шоссе были высажены их живые братья и сестры с радужными бутонами и выпрямившимися махровыми лепестками. Каждый апрель жители и туристы Стамбула сполна напивались этим цветочным коктейлем из весны, ведь душистый фестиваль раскрывающихся тюльпанов обычно длился в Турции почти целый месяц, вплоть до последнего дня нисана¹.

Опьянев от циркулирующих по городу ароматных нот, я не уследил за сменяющимися калейдоскопическими картинками. Когда мы прибыли в неизвестное мне место, райское цветочное полотно с насыщенными мазками резко сменилось тусклым, будто пожелтевшим от старости снимком глухой и безлюдной местности. Ржавое здание посреди разреженной поляны не сочеталось с тяжелым люксом холёного мусульманина в начищенных туфлях цвета какао. Войдя внутрь, всё тюльпанное послевкусие перебил удушливый запах плесени. Передо мной стояли — раз, два, семь — десять человек. Хафиз стремительно подошёл к ним, оторвавшись от неопытного русского новичка в моем лице.

— Ты стал последним, двенадцатым, Павел, — произнёс лекарь.

Зависнувшая тишина более не срабатывала. Я не мог удержать ту лавину абсурда, которая с моего же согласия обрушилась на меня. Всё это напоминало хороший кинематограф: приключенческий детектив или комедию, а может, даже и фильм ужасов с трагически обречённым финалом.

---

¹ Нисан — в еврейском календаре первый месяц библейского и седьмой гражданского года. — Прим. ред.

— Это, наверное, розыгрыш моих русских коллег. Да, да. Стоп! Снято! — в истерическом неверии крикнул мой внутренний страх.

— Режиссёр здесь я. Но так и быть, когда мы снимем со счёта Озтюргов десять миллионов лир, я разрешу тебе повторить это. А теперь укажи рукой на напарника, с которым будешь работать, — с грубой лёгкостью сказал Хафиз.

В последний раз я испытывал что-то подобное в шестом классе, когда в зоомагазине не мог выбрать между длиннохвостой шиншиллой и упитанным волнистым попугаем. Я стал смотреть. Сдержанный мужчина лет шестидесяти, хмурившийся настолько, что две чёрные брови сливались воедино, как в страстном танго, толстый юнец, жующий жвачку, высокий турок с аристократическими замашками и в терракетовом шарфе, недокормленный азиат в тельняшке, блондин с дредами и египетским профилем, мужчина астенического телосложения в гавайской рубашке и шортах с морскими черепашками, три похожих друг на друга темноволосых бандита с глазами отряда хищных и парень славянской внешности, впоследствии оказавшийся чистокровным болгаринном. Этот разношёрстный контингент во главе с лекарем загнал в угол укоренившегося во мне Холмса, заставив выйти на бис внутреннего Герасима. Я тонул в собственном молчании, пока голос Хафиза не бросил утопающему спасательный звук.

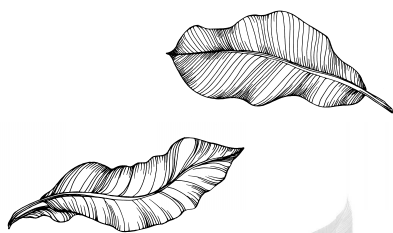
— Если тебе так трудно сделать выбор, будешь со мной. Но, увы, это не безмятежное удовольствие, — произнёс он.

В ощущениях я уменьшился до шестилетнего ребёнка, который боялся остаться на работе у папы с кем-то, кроме него. Мне хотелось подойти к лекарю и покорно встать рядом с ним. Нечто похожее на то самое чувство, когда приходишь на день рождения, но не знаешь никого, кроме именинника, сидящего на другом краю стола. И ты, опущенный в нечаянное игнорирование, даже не хочешь кого-то знать

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

или с кем-то общаться. Но обстоятельства вынуждают тебя знакомиться, внимательно слушать, изредка кивая, улыбаться, братья за руки и играть в одну игру.

Около сорока секунд в моём сознании появлялись и исчезали урывки прошлого, пока движения блондина с дредами не вернули меня из детских воспоминаний в жестокий третий десяток. Он открыл четыре разных компьютера, и следующие четыре часа мы обсуждали уже заготовленный сценарий ограбления. Лекарю и мне досталось то самое задание со звёздочкой повышенной сложности. Мы должны были пробраться в сердце холдинга и забрать деньги.

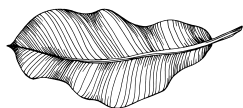

3

ЭРГУВАН

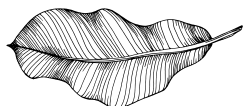

Мы чудесным образом исцеляемся в присутствии того, кто верит в наш свет, даже когда мы блуждаем в своей тьме.

Даниэль Глаттауэр¹

---

¹ Даниэль Глаттауэр — австрийский писатель и журналист. — Прим. ред.

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

Под полнолуным светом в вогнутом трёхстворчатом зеркале отражались настенные часы, большая стрелка которых зависла на трёх. Никто не мог остаться в компании в столь откровенно поздний час. Мы с Хафизом беспрепятственно проникли в здание холдинга и поднялись на нужный этаж, где располагались кабинеты акционеров. Если бы только можно было посмотреть краткое содержание своей судьбы и вернуться в нужный эпизод без разочарования или страха, я бы сделал это, несмотря на привязанность к жажде интриги. Всё было идеально продумано, как в новейшем авиалайнере: если бы одна система внезапно отказала, другая тотчас же начала бы исправлять сбой.

Пока блондин с дредами диктовал нам коды из чёрного отполированного воском минивэна и три бандитских брата-акробата кружили возле стеклянного здания, утонувшего в объятиях стамбульской ночи, в холдинге добросовестно работал один сотрудник. Благодаря логике Фатиха, того хмурого шестидесятилетнего мужчины, мы с Хафизом попали в потайную комнату с «сокровищами», что на языке прозы означало стандартное сейфовое хранилище. Хафиз, подобно пришедшему к молочнику другу за проигранным в нарды стаканом айрана, с развязной непринуждённостью забрал нужные десять миллионов. Собираясь ускользнуть из комнаты, пропитанной терпким ароматом турецких купюр,

я увидел за спиной Хафиза юного парня в стоптанных кедах цвета запылённой пшеницы. В его глазах мелькал нечеловеческий страх, сменяющийся то беззаветной храбростью, то пульсирующими вопросительными прожилками. При таком сценарии я должен был избавиться от него, как говорят в таких случаях. Однако за что?

В ту секунду я почувствовал себя Николаем Ростовым, обязанным убить ни в чём невиновного француза. Напротив меня стоял такой же молодой и напуганный, как я, парень. Чей-то сын, брат, а может, уже и отец. Я не знал, как действовать. Те роковые деньги мы должны были украсть для шестилетней азербайджанки, пересадка сердца которой уже была запланирована на следующий день. Оставшаяся часть суммы пошла бы на медикаменты и химиотерапию детям с различными патологиями. Между жизнью крохи и ещё не пожившего, но уже созревшего человека я наугад выбрал первое, встав на место Всевышнего, решая кому жить, а кому умереть. Отвратительный комплекс Бога, который стал преследовать меня с того злосчастливого дня. За несколько секунд мой внутренний голос продиктовал мне решение: я решил сдаться, бросив на пол оружие, как вдруг Хафиз приказал мне стрелять. Осмысленной неосознанностью, неторопливым движением пальца я дёрнул курок, и в неподвижное, будто парализованное покорным ожиданием, тело вонзилась пуля. Молодой сотрудник пошатнулся и, падая, как почти невесомое лебединое пёрышко, бесшумно опустился на пол. Он смотрел на меня без осуждения или злобы, и, пока из его брюшной полости выливалась кровь, я грезил лишь трусливым, малодушным побегом. Хафиз ласково, словно боясь, поторапливал меня, но в нежелании кому-либо одинокой смерти в сырой темноте на остывшем бетонном полу я продолжал ждать. Взяв его за посиневшую костлявую руку, на которой была набита татуировка в виде

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

географической карты, я отвёл взгляд, так и не сумев выжать очищенную слезу притворного покаяния. После остановки дыхания его лицо побледнело, как у недоношенного семимесячного новорождённого, пульс которого безвольно застыл.

Мы оставили тело и безнаказанно скрылись, но Хафиз продолжал мертво молчать, прищуриваясь с ноткой исполненного презрения. После этого убийства мы с мусульманином поменялись ролями: я, наконец, понял, почему его называют лекарем, а он решил попытаться разгадать моё непредсказуемое нутро.

— Все награбленные деньги я всегда отдавал больным детям. Но никогда в жизни никого не убивал, — тихим голосом промолвил мой новый друг

Мне не хотелось оправдываться: все понимали, зачем я сделал то, что, казалось, никогда не смогу забыть. Мой внутренний Иисус умер. Умерли и родители, и младшая сестра, и ещё неродившиеся сын и дочь, умерла последняя холодная весна в Тыве, пропали горячие пряники с корицей, которые пекла бабушка, рассыпались золотые чётки, скис вишнёвый кисель няни, и разрушилась старая деревянная церквушка в лесу.

Я проспал около двенадцати часов, чтобы прийти в себя. Хафиз принёс мне молока с мёдом и турецкие голубцы тётушки Акджан с толстыми чуть треснутыми виноградными листьями.

— Деньги перечислены, девочку спасли, — вымолвил он.

Слова Хафиза ничуть не воскрешали оставшиеся крупицы затонувшей внутри меня совести, поэтому я не сумел отказать себе в послеобеденной велосипедной прогулке по городу. Весь Стамбул был украшен крошечными пурпурно-лиловыми лепестками, на закате превращающимися в аметистовые словно распахнутые клубочки. Так цело

Иудино дерево эргуван. Оно было так расшатанно и высоко, но будто не желало дотягиваться до поглаживающего, взошедшего над Турцией солнца. Каждому встречающемуся эргувану я придумывал имя, изогнутую свирепыми ветрами судьбу и воображаемых друзей в лице местных садоводов и птиц. Его расцвет жизни приходился на месяц нисан, в тот самый апрель, когда я растворился в застывшем неиспаряющемся грехе, который я не позволял себе ни отмотить, ни забыть. Я безоглядно влюбился в весну лишь за цветение единственного живого растения, которого я заслуживал.

Прошла неделя. Выяснилось, что молодой парень в стоптанных кедах, которого я убил, оказался внуком главы холдинга, Беркера Озтюрга. Его звали Метин. Это имя с тех пор стало звучать в моей голове, словно назойливый монотонный рингтон, который мечтаешь сменить, но никак не осмеливаешься из-за боязни пропустить важный звонок. Метин, архитектор, подающий надежды, гордость светской семьи Стамбула. Метин, жизнь которого я бесчеловечно отобрал подобно прожжённым мошенникам, обкрадывающим простодушных пенсионеров. Метин, чьи руки были столь нежны и податливы, как убаюкивающий тропический бриз, Метин, с тлеющим упованием встречающий смерть без всепожирающего страха и пылкого поклонения.

После горьких девяти дней я уволился с высокооплачиваемой работы, сдал дипломатический паспорт и стал сотрудничать с Хафизом. Он был владельцем сети реабилитационных больниц в Стамбуле, что не мешало ему проворачивать благие, но не совсем невинные дела в Турции и Катаре. Мне удалось выкупить часть акций его компании: казалось, я необратимо переехал в страну, преображающую застрявшего внутри меня многоголового левиафана. За это время лекарь стал мне и домом, и отцом, и старшим братом. Тётя

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

Ақджан и Эсен заменили женскую половину семьи, которая по-прежнему не поздравляла меня с религиозными праздниками или оглушительными успехами, за которыми скрывались ничем не стёртые преступления. Я снял светлый просторный дом в районе Бешикташ с загнивающим лимонным садом и огромной пыльной библиотекой, посреди которой стоял хриплый граммофон из потертого серебра с ажурным узором. Спустя несколько суетливо проскользнувших суток, задыхнувшись в нескончаемой суматохе, лекарь позвал меня на дружеский променад.

Оказавшись на площади Таксим, мы с Хафизом решили перекусить бореком с солёным творогом и турецкой дундурмой из измельчённой дикой орхидеи. Переживания душили мой неуёмный аппетит, пока я не почувствовал запах жареных каштанов. Впервые я попробовал этот извращённый деликатес на Елисейских полях в конце декабря перед Новым Годом. В семейной поездке эту тошнотворную мерзость, воняющую то ли трупной гнилью, то ли разросшимся паразитическим грибок, загонял в свой воспалённый распухший пищевод только отец. Однако те стамбульские каштаны, упоительный аромат которых тянется за мной с того дня, пахли совсем по-иному. Их готовила молодая девушка, а народ выстраивался в очередь именно за её лакомством. — Павел, посмотри, вон продают каштаны. Пойдём купим парочку, — с предложением обратился Хафиз.

Мы долго теснились в турецкой толпе, пока не уткнулись в фургончик и его милую хозяйку. Эта девушка была лучше, чем ангел. И лучше того, кто не мог отвести от неё взгляд. Она жарила каштаны, и это манило гораздо сильнее священного огня или морских волн. От неё пахло миндальным молоком, сандаловым деревом и мадагаскарской ванилью. На её платье были нарисованы ярко-жёлтые цветы. Глаза у нее были не самые большие и выразительные, однако